

## СОЦИОЛОГИЯ СЕЛА

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10

EDN: JYQTYW



### Динамика социального самочувствия занятого сельского населения России (2000–2024 гг.)<sup>1</sup>

Ссылка для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Динамика социального самочувствия занятого сельского населения России (2000–2024 гг.) // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 2. С. 184–205. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10; EDN: JYQTYW.

**For citation:** Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 184–205. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10; EDN: JYQTYW.



SPIN-код: 7548-7264

#### Козырева Полина Михайловна<sup>1</sup>

<sup>1</sup>НИУ «Высшая школа экономики»,  
Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru



SPIN-код: 2137-2735

#### Смирнов Александр Ильич<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Институт социологии ФНИСЦ РАН,  
Москва, Россия

smir\_al@bk.ru

**Аннотация.** В статье представлены результаты анализа особенностей и динамики социального самочувствия занятых сельских жителей в первой четверти XXI в. Анализ опирается на данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Был выявлен существенный рост основных показателей социального самочувствия занятого сельского населения, большинство которых к концу 2024 г. достигло максимальных значений за все время наблюдений. Установлена сопоставимость удовлетворенности занятых селян и горожан своей жизнью в целом и большинством ее аспектов. Занятые сельские жители в большей степени удовлетворены жилищными условиями и состоянием окружающей среды, но острее горожан переживают недовольство материальной стороной своей жизни. Определяющую роль в повышении социального самочувствия работающих сельских жителей играет рост удовлетворенности своей рабо-

<sup>1</sup> В статье использованы результаты проекта HSE-MS-2025-007, выполненного в НИУ ВШЭ.

той в целом, который подкрепляется не менее высокими показателями роста удовлетворенности условиями труда, возможностями для профессионального роста и большинством других ее сторон. Наиболее острой проблемой, которая постоянно тревожит работников сельских поселений, остается низкий уровень оплаты труда. В условиях возросшего дефицита рабочей силы наблюдается снижение обеспокоенности селян угрозой потерять работу и повышение уверенности в возможности трудоустройства в случае увольнения, при том, что на протяжении всех лет мониторинга сельские жители гораздо хуже горожан оценивали данную возможность. В результате существенного роста удовлетворенности работой и своей жизнью в целом значительно сократилось число сельских тружеников, желающих сменить свою нынешнюю работу на более привлекательную и перспективную. Авторы утверждают, что высокая гетерогенность сельских регионов требует дифференцированного подхода при выработке стратегии развития сельских территорий с учетом особенностей их развития, структуры занятости и ментальности проживающих на этих территориях граждан. Наряду с повышением уровня жизни на селе, приоритетной задачей является вовлечение самих жителей в более активное преобразование сельских территорий.

**Ключевые слова:** социология, занятость, сельское население, социальное самочувствие, трудовые ресурсы, удовлетворенностью жизнью, удовлетворенность работой

## Введение

Трудовые ресурсы выступают важнейшим фактором сельскохозяйственного производства, обеспечивающего продовольственную безопасность и рост уровня благосостояния населения страны. Поэтому поддержка занятости сельского населения, повышение уровня и улучшение качества жизни тружеников села является одной из приоритетных задач, решение которой требует постоянного и не ослабевающего внимания. Особенно остро сегодня стоит вопрос о развитии сельских населенных пунктов в плане создания благоприятных условий устойчивого развития сельских территорий, которые заметно уступают по уровню благоустройства и качества жизни районным центрам и городам.

В настоящее время в сельском хозяйстве РФ сложилась непростая ситуация с трудовыми ресурсами. Проблема нехватки профессиональных кадров, которая уже давно актуальна во всех сферах российской экономики, особенно болезненно ощущается в аграрном секторе. Численность сельского населения постоянно сокращается как за счет естественной убыли, так и за счет непрекращающегося оттока населения из сельской местности. Если в городах демографическая нагрузка молодых возрастов в последние десятилетия увеличивалась, то на селе – сокращалась. Одновременно у горожан старшего трудоспособного возраста демографическая нагрузка снижалась, тогда как у селян того же возраста, напротив, повышалась. При этом уровень участия сельского населения в составе рабочей силы постоянно падал [6; 7; 27].

Как показывают исследования последних двух десятилетий, существенное отставание качества жизни сельского населения от городского в целом и по отдельным аспектам остается одной из наиболее серьез-

ных причин оттока населения из сельской местности и деградации сельской среды, представляющих собой «стратегическую угрозу» для государства [4]. Поэтому не случайно одной из основных задач, определенных Стратегией пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г., является создание условий для обеспечения устойчивости системы расселения на территории РФ, включая условия для прекращения оттока постоянно проживающего населения из сельских населенных пунктов<sup>1</sup>.

Исследования помогли также выявить наиболее острые проблемы труда и занятости сельского населения, влияющие на их настроения и жизненные планы: низкая оплата труда, высокий уровень незарегистрированной безработицы, широкое распространение неформальных трудовых практик, нарушение контрактных обязательств, снижение качественных характеристик рабочих мест и рабочей силы, усиление межрегиональной конкуренции на рынках рабочей силы, рост оттока высококвалифицированных кадров в регионы с более высоким уровнем оплаты труда, низкие стартовые возможности сельской молодежи в сфере труда, отсутствие прогресса в развитии малого предпринимательства как одного из способов повышения занятости и др. [3; 8; 17; 23; 29].

Многие исследователи сходятся во мнении, что тяжелая социально-экономическая ситуация в селах и деревнях, низкий уровень жизни, не снижающаяся острота проблем труда и занятости, а также неопределенность настоящего и неясные перспективы негативно сказываются на социальном самочувствии селян, среди которых широко распространены пессимистические настроения [15], высока общая неудовлетворенность жизнью, условиями существования и труда [16]. Большинство сельских тружеников оценивает условия своего труда как тяжелые или очень тяжелые, а немалая часть считает их опасными или крайне опасными. Удовлетворенность размером заработной платы сельских работников гораздо ниже, чем городских [20], что обусловлено прежде всего ее низким уровнем, а также невысоким престижем сельскохозяйственного труда и различными социально-психологическими факторами [10; 28].

В то же время немало специалистов доказывают, что занятость, обеспечивая более или менее стабильный доход, социальные гарантии и относительно достойный уровень жизни, остается одним из ключевых факторов, способствующих сохранению сельского пространства и влияющих как на уровень и качество жизни селян, так и на прочность их социального самочувствия. Несмотря на некоторую инертность жителей села, занятость является определенным ресурсом их выдержки и стойкости [2]. Немаловажную роль в реализации возможностей значительной части сельского населения играют готовность к постоянному саморазвитию и образованию на протяжении всей жизни, уверенность в собственных силах и способность действовать вопреки внешним обстоятельствам, субъективная оценка своего положения в обществе и его динамика [19].

<sup>1</sup> Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 4146-р.

Хотя в силу ряда объективных причин сельские жители заметно уступают горожанам по уровню и качеству жизни, исследования, как это ни парадоксально, не так уж редко обнаруживают у первых в целом или в отдельных регионах достаточно высокий уровень социального оптимизма [5; 14; 24] и удовлетворенности собственным статусом в обществе [22, с. 78]. По мнению Н. П. Касаткиной, большинство сельских жителей чувствуют себя счастливыми, их удовлетворенность отдельными параметрами текущей занятости оказывается выше, чем у горожан, что объясняется благоприятной социально-психологической средой и особенностями трудовых ценностей [9, с. 25]. Вместе с тем исследования, проведенные Н. В. Латовой, показали, что сельские жители переживают кризисные условия с такой же психологической нагрузкой, как и большинство горожан [12, с. 61–62] и практически не отличаются от большинства городского населения по уровню социально-психологического самочувствия [13, с. 164–166].

В. А. Сарайкин, Ю. Н. Никулина, Р. Г. Янбых, ссылаясь на исследования зарубежных ученых [30; 31; 32], объясняют близость показателей, характеризующих социальное благополучие сельских и городских жителей, наличием дополнительных факторов, «которые работают как буфер, уравновешивая удовлетворенность жизнью сельского и городского населения при неравенстве таких объективных параметров, как доход, безработица, квалификация» [18 с. 75–76]. Признавая, что причины удовлетворенности жизнью сельских жителей до конца не ясны, они к факторам их благополучия относят степень уверенности в будущем, чувство общности и доверие, распространенность аграрной занятости, близость к природе, конфиденциальность жизни, личную безопасность.

В целом, исследования выявляют не только очень мозаичную, но и чрезвычайно противоречивую картину, характеризующую социальное самочувствие занятых сельских жителей. Однако для принятия обоснованных управленческих решений и успешной их реализации в условиях быстрого сокращения численности населения села и обострения проблемы занятости важно лучше понимать, каковы сегодня социальные настроения работающих сельских жителей, как они оценивают перспективы своей жизни и как меняется их отношение к трансформирующейся действительности. В настоящее время имеется немало работ, посвященных изучению социального самочувствия сельского населения, главным образом на региональном уровне, но лишь в некоторых из них в том или ином формате рассматриваются особенности или динамика социального самочувствия занятых сельских жителей села.

## Методика исследования

Цель исследования состоит в выявлении особенностей и базовых тенденций, характеризующих динамику социального самочувствия работающих сельских жителей как определенного эмоционально-оценочного

отношения индивидов к меняющейся действительности и восприятия ими своей жизни. Социальное самочувствие характеризует внутреннее состояние индивидов, которое формируется в их повседневной жизни и включает отношение к окружающей действительности, степень удовлетворенности жизнью в целом и отдельными ее сторонами, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе [11, с. 23].

Эмпирическую базу исследования составили данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)<sup>1</sup>, в ходе проведения которого была получена обширная информация относительно изменений условий и качества жизни россиян в постсоветский период. Исследование охватывает 2000–2024 гг. Объект исследования – взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше.

Полученные результаты позволяют судить не только об изменениях реальных жизненных обстоятельств на конкретном временном интервале, но и об отношении людей к трансформации условий и качества жизни и особенностях восприятия ими происходящих в обществе перемен. Основное внимание сфокусировано на динамическом анализе таких характеристик социального самочувствия, как удовлетворенность жизнью в целом и отдельными ее сторонами, удовлетворенность материальным положением и озабоченность решением материальных проблем, удовлетворенность работой и обеспокоенность угрозой безработицы, определение своего положения в обществе и оценка жизненных перспектив. Для определения степени удовлетворенности жизнью и ее отдельными сторонами использовалась шкала Лайкерта («полностью удовлетворены», «скорее удовлетворены», «и да, и нет», «не очень удовлетворены», «совсем не удовлетворены»).

Самоопределение респондентов в социальном пространстве измерялось по трем девятиступенчатым шкалам: материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»), власти (от 1 – «совсем бесправные» до 9 – «обладают большой властью») и уважения (от 1 – «совсем не уважают» до 9 – «очень уважают»). В ходе анализа исходные девять ступеней были преобразованы в три иерархических уровня – нижний, средний и верхний, – каждый из которых объединял по три ступени. Средние значения и стандартные отклонения рассчитывались на основе несокращенных ответов с помощью шкал, включающих девять ступеней, исключая ответы респондентов, которые отказались или затруднились ответить на поставленный вопрос.

<sup>1</sup> Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится НИУ «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии ФНИСЦ РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <http://www.spc.unc.edu/projects/rlms>).

## Результаты исследования

### Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

На протяжении всех лет мониторинга занятое сельское население немного уступало занятым горожанам по уровню удовлетворенности жизнью в целом, но к концу 2024 г. эта разница практически полностью сгладилась. Наибольшие изменения пришлось на переломные 2000–2012 гг. В целом, за 2000–2024 гг. доля респондентов из числа занятых жителей сельских поселений, полностью или скорее удовлетворенных своей жизнью, выросла с 11,3 до 56,0%, в то время как удельный вес совсем или не очень удовлетворенных сократился с 65,9 до 12,1%. Среди занятых горожан наблюдались аналогичные тенденции: рост доли респондентов, удовлетворенных своей жизнью, с 20,6 до 54,3% и сокращение доли не удовлетворенных с 62 до 10,5%.



**Рис. 1. Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей своей жизнью в целом, 2000–2024 гг. (в %)**

*Figure 1. Overall satisfaction of employed rural and urban residents with their lives, 2000–2024 (in %)*

*Примечание.* Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

В сельских поселениях работающие мужчины чаще, чем женщины выражают удовлетворенность своей жизнью в целом. За 2000–2024 гг. доля полностью или скорее удовлетворенных жизнью выросла среди мужчин с 13,4 до 57,8%, тогда как среди женщин – с 9,1 до 54,2%. В то же время анализ не выявил значимых связей между уровнем удовлетворенности трудоустроенных жителей села своей жизнью в целом и такими перемен-

ными, как возраст и тип сельского поселения (классифицируется по численности населения). При этом, однако, важно учитывать, что ситуация может существенно отличаться на региональном уровне, о чем свидетельствуют результаты недавних социологических исследований [9; 15].

Менее требовательные к условиям существования сельские труженики практически не уступают отличающимся более высоким уровнем запросов работникам городских предприятий и организаций по степени удовлетворенности различными сторонами своей жизни, одновременно значительно превосходя их по показателям удовлетворенности жилищными условиями и состоянием окружающей среды в месте своего постоянного проживания (табл. 1). Эти результаты подтверждаются и другими исследованиями, которые показывают, что сельское население заметно выше оценивает состояние экологии и безопасности и активнее использует альтернативные источники коммунальных благ, самостоятельно решая проблему повышения благоустройства жилья [26].

Таблица 1 (Table 1)

**Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей  
различными сторонами своей жизни, 2024 г. (в %)\***

*Satisfaction of employed rural and urban residents with various aspects of their lives,  
2024 (in %)\**

Стороны жизни	Село			Город		
	В целом	В т.ч. по полу		В целом	В т.ч. по полу	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Жилищные условия семьи	73,7	73,8	73,7	66,5	66,7	66,5
Полученное образование	76,1	75,0	77,2	77,0	74,1	79,7
Отношения с людьми	87,8	88,8	86,9	87,6	86,8	88,3
Состояние окружающей среды	79,4	82,3	76,3	63,8	64,9	62,8
Организация досуга	71,6	74,4	67,8	70,4	72,0	68,9
Питание	87,4	89,7	85,1	85,7	87,4	84,1

*Примечание.* \*Приведены объединенные данные по позициям «полностью удовлетворены» и «скорее удовлетворены».

В сельских поселениях женщины заметно меньше мужчин довольны не только состоянием окружающей среды, но и тем, как они проводят свое свободное время. Исследование также выявило снижение удовлетворенности жилищными условиями по мере снижения возраста занятых жителей села: с 89,1% среди лиц в возрасте 60+ до 59,9% среди тех, кому меньше 30 лет. Аналогичная тенденция наблюдается в отношении удовлетворенности селян состоянием окружающей среды в месте своего проживания – снижение с 86 до 75,4% соответственно.

Примечательно, что самый низкий уровень удовлетворенности рассматриваемыми сторонами своей жизни демонстрируют работники, проживающие в крупных сельских населенных пунктах, т. е. там, где более активно развиваются торговые сети, лучше налажено транспортное и культурно-бытовое обслуживание населения, имеются образовательные

учреждения. Так, среди респондентов из сельских населенных пунктов с численностью населения более 4 тыс. человек полностью или скорее удовлетворены жилищными условиями своей семьи только 65,1%, полученным образованием – 69,9%, состоянием окружающей среды – 67%, организацией досуга – 59,9%.

На фоне этих показателей крайне низким выглядит уровень удовлетворенности сельских работников материальным положением. Даже на пиках своих значений доля в большей или меньшей степени удовлетворенных материальной стороной своей жизни не превышала одной четверти (рис. 2). Наиболее высокие темпы роста данного показателя были зафиксированы в 2020–2024 гг. Указанные тенденции практически полностью соответствуют динамике удовлетворенности своим материальным положением среди работников городских предприятий и организаций, но при этом сельчане чувствительнее и тревожнее горожан переживают недовольство материальными аспектами жизни. Среди сельских работников наименьший уровень удовлетворенности обычно демонстрировали 44–59-летние, тогда как самый высокий — лица в возрасте 60 лет и старше. Среди последних доля тех, кто полностью или скорее удовлетворен своим материальным положением, постоянно достигала одной трети.



Рис. 2. Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей своим материальным положением, 2000–2024 гг. (в %)

Figure 2. Satisfaction of employed rural and urban residents with their financial situation, 2000–2024 (in %)

Примечание. Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Корреляционный анализ выявил значимую и достаточно тесную связь между удовлетворенностью сельских работников материальным положением и своей жизнью в целом. По данным за 2024 г., коэффициент

корреляции Спирмена составил 0,422 (корреляция значима на уровне 0,01; двухсторонняя). Значимыми являются также связи удовлетворенности респондентов своей жизнью в целом и удовлетворенностью ее отдельными сторонами. Коэффициент корреляции составил от 0,124 в отношении удовлетворенности полученным образованием до 0,308 в отношении удовлетворенности организацией досуга. Представленные результаты позволяют сделать вывод, что оценки сельскими жителями уровня своей жизни и удовлетворенности материальным положением обладают определенной самостоятельностью по отношению к размеру дохода и удовлетворенности оплатой труда.

Принимая во внимание очевидные различия в уровне и качестве жизни между городом и селом, близкие показатели удовлетворенности своей жизнью и ее отдельными сторонами у занятых сельских и городских жителей в немалой степени можно объяснить отличиями в их культуре и менталитете, разными представлениями о благополучной, комфортной жизни и хорошей работе. В ходе опросов сталкиваются оценки и мнения более требовательных, придирчивых к условиям жизни горожан и менее прихотливых и требовательных сельских жителей. В связи с этим важно заметить, что высокий уровень удовлетворенности жизнью, основанный на низких запросах и притязаниях, которые являются, по мнению К. А. Абульхановой-Славской, важнейшей составляющей личностной активности [1, с. 226], может служить демотивирующим фактором, препятствующим формированию достигательных установок и снижающим интерес к работе и результатам деятельности.

Одним из индикаторов перемен в социальных настроениях работающих жителей села является оценка ими изменения материального положения своей семьи за последние три года. Исследование показало, что с 2008 г., т. е. после начала длительной кризисной полосы, доля селян, отмечающих какое-либо улучшение материального положения своей семьи, постоянно снижалась, достигнув минимума в 2020 г., когда всем пришлось столкнуться с тяжелой пандемией коронавируса, надолго изменившей жизнь людей. Это снижение составило с 37,1 до 11,8%. В дальнейшем, по мере преодоления накопившихся трудностей, доля таких респондентов выросла до 27,9% в 2024 г. В то же время большинство респондентов (от 50 до 65%) постоянно указывали на отсутствие каких-либо изменений. Похожие тенденции наблюдались в отношении оценок перспектив жизни своей семьи в ближайшем будущем (рис. 3).

Исследование выявило высокий, но снижающийся уровень тревожности занятых селян относительно того, что они не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев. За 2000–2024 гг. доля тех, кто в большей или меньшей степени обеспокоен этой проблемой, с некоторыми перепадами снижалась с 79,2 до 67,5%, в том числе доля обеспокоенных очень сильно – с 58,4 до 26,1%. Самые высокие темпы снижения пришлись на 2020–2024 гг., когда доля респондентов, которых проблема обеспечения себя самым необходимым волнует очень сильно, упала на 10 процентных пунктов.



**Рис. 3. Распределение ответов занятых сельских жителей на вопрос: «Через 12 месяцев Вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?», 2000–2024 гг. (в %)**

*Figure 3. Distribution of responses of employed rural residents to the question: “In 12 months, will you and your family live better or worse than today?”, 2000–2024 (in %)*

*Примечание.* Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Как следует из таблицы 2, работающие сельчане не только не уступают работающим горожанам по самооценкам положения на шкале материального благосостояния, но даже, как правило, превосходят их. Динамическая картина этих самооценок демонстрирует медленный, хотя и не всегда последовательный, подъем.

**Таблица 2 (Table 2)**

**Самооценка положения занятых сельских и городских жителей на 9-ступенчатой шкале материального благосостояния, 2000–2024 гг.**  
*Self-assessment of the situation of employed rural and urban residents on a 9-step scale of material well-being, 2000–2024.*

Год	Село						Город					
	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N	Уровень шкалы, %			Mean	Std. Dev.	N
	Ниж-ний	Сред-ний	Верх-ний				Ниж-ний	Сред-ний	Верх-ний			
2000	46,9	48,7	4,4	3,72	1,64	778	41,2	56	2,8	3,84	1,43	2651
2002	36,0	60,1	3,9	3,93	1,40	798	39,4	58,7	1,9	3,86	1,29	2824
2006	33,0	62,7	4,3	4,13	1,41	1002	34,6	61,5	3,9	4,06	1,37	3576
2010	31,4	63,6	5,0	4,18	1,37	1762	31,9	63,6	4,5	4,11	1,36	5702
2014	32,3	62,8	4,9	4,16	1,42	1182	31,1	63,1	5,8	4,23	1,43	4271
2016	43,5	53,7	2,8	3,84	1,39	1093	39,4	57,5	3,1	3,90	1,34	3936
2018	33,7	59,7	6,6	4,22	1,45	1058	34,2	60,6	5,2	4,10	1,40	3763
2020	29,9	65,1	5,0	4,23	1,30	1036	32,2	63,5	4,3	4,12	1,31	3709
2024	26,2	62,8	11,0	4,52	1,51	1051	25,0	67,5	7,5	4,45	1,39	4115

Очень близкими оказались также оценки сельскими и городскими работниками своего положения на идентификационных шкалах власти и уважения. Но если до 2016 г. лишь немного более оптимистично оценивали свое положение на этих шкалах горожане, то в дальнейшем – преимущественно жители сел и деревень. За 2016–2024 гг. средняя самооценка положения на шкале власти выросла у занятых селян с 4,03 до 4,64, тогда как у занятых горожан – с 3,89 до 4,55. За этот же период средняя самооценка положения на шкале уважения выросла у занятых селян с 6,37 до 6,44, в то время как у занятых горожан – с 6,29 до 6,41.

К важным показателям социального самочувствия, которые содержат данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, относятся также обобщенное (генерализованное) доверие, характеризующее уровень доверия к людям вообще, и одиночество. Анализ этих показателей приводит к выводу, что доверие остается значительным недоиспользованным ресурсом улучшения социального самочувствия и повышения социальной сплоченности россиян. На протяжении длительного периода только один из пяти опрошенных демонстрировал готовность доверять другим людям. При этом сельские жители отличаются более высоким уровнем обобщенного доверия, чем городские: в 2024 г. готовность доверять другим людям выражали почти 22% работающих селян и только около 14% работающих горожан.

С одиночеством сельские и городские жители сталкиваются практически одинаково часто, но у первых теснее, чем у вторых выражена связь ощущения одиночества с возрастом. Особенно остро эта проблема стоит для селян в возрасте 70+, абсолютное большинство которых уже прекратили трудиться. В 2024 г. среди занятых сельских жителей ощущали одиночество практически всегда или часто 5,8%, редко – 29,7% опрошенных, тогда как среди занятых горожан таких было 5,3 и 26,3% соответственно.

### *Удовлетворенность работой и обеспокоенность угрозой безработицы*

За 2000-е гг. существенно вырос уровень удовлетворенности сельских тружеников своей работой в целом и ее отдельными сторонами (рис. 4). Так, за 2002–2024 гг. доля полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом выросла в 1,7 раза – с 46,8 до максимальных 79,8%, тогда как доля скорее или совсем не удовлетворенных сократилась с 34,7 до 3,7%. Выявленные тенденции очень мало отличаются от тенденций, характеризующих удовлетворенность горожан своей работой.

За 2002–2024 гг. среди сельских работников существенно выросли доли тех, кто в большей или меньшей степени удовлетворен: условиями труда – с 37,5 до 78,9%, оплатой труда – с 18,3 до 46,4% и возможностями профессионального роста – с 27,6 до 72,5%. Однако нельзя не заметить, что значительное большинство этих селян были удовлетворены перечисленными сторонами своего труда только частично. Обращает на себя внимание также сравнительно низкий уровень удовлетворенности сельских работников старшего возраста (60+) своей работой в целом и отдельными ее

сторонами, особенно оплатой своего труда: в 2024 г. полностью ею удовлетворены были только 11,9% и еще 24% скорее удовлетворены. В результате отмеченного выше роста к концу 2024 г. сельские работники практически полностью сравнялись с работниками городских предприятий и организаций по уровню удовлетворенности своей работой в целом и такими ее сторонами, как условия и оплата труда, а также значительно превзошли их по уровню удовлетворенности возможностями для профессионального роста – 72,5% против 62,4%.



**Рис. 4. Удовлетворенность занятых сельских и городских жителей работой в целом, 2002–2024 гг. (в %)**

*Figure 4. Satisfaction of employed rural and urban residents with work in general, 2002–2024 (in %)*

*Примечание.* Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Кроме того, за 2009–2024 гг. (до 2009 г. эти вопросы респондентам не задавались) вырос удельный вес сельских тружеников, полностью или скорее удовлетворенных: продолжительностью рабочего дня – с 62,8 до 80,9%, соответствием работы своему уровню квалификации – с 61,7 до 82,9%, графиком работы – с 68,9 до 82,5%, соотношением между временем, которое расходуется на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, – с 63,5 до 75,4%.

В определенной степени такие близкие тенденции расселения можно объяснить тем, что за постсоветский период многие селяне отошли от привычного сельскохозяйственного труда. Во-первых, немало сельских тружеников стали связывать свою жизнь с деятельностью сверхкрупных хозяйственных структур (агрохолдингов). Во-вторых, занятость части сельских жителей переместилась в отрасли строительства, бытового обслуживания, неаграрного трудового отходничества, которое начало постепенно превращаться в постоянное трудоустройство в городах [6, с. 56]. В-третьих, некоторая часть жителей села выбирает такие формы занятости, как фермер-

ство и самозанятость, ориентированные на предпринимательство. Именно сельские предприниматели оказываются самой успешной группой на селе, демонстрирующей максимальные показатели удовлетворенности различными аспектами своей жизни и низкий уровень тревожности [6, с. 61]. В целом, как подчеркивал Ж. Т. Тощенко, «современное село (за исключением исчезающих поселений) – это конгломерат различных организаций, связанных не только с сельским хозяйством, но и с промышленным, и другими несельскохозяйственными производствами, ранее практически отсутствовавшими на селе, а также с выполнением селом функций маятниковой миграции» [21, с. 93].

Исследования, выполненные на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, выявляют доминирующее влияние на удовлетворенность жизнью сельского населения фактора «удовлетворенность работой», который подразумевает оценку не только оплаты, но и условий труда, и возможностей для профессионального роста [18, с. 95–96]. Однако это влияние в сельской местности оказывается все же менее заметным, чем в городах. Так, по данным за 2024 г., коэффициент корреляции, характеризующий тесноту связи между удовлетворенностью жизнью и удовлетворенностью работой в целом, составил в отношении селян 0,201, а в отношении горожан – 0,372. Аналогичные различия наблюдаются и при сопоставлении показателей, характеризующих тесноту связи между удовлетворенностью жизнью в целом и ее отдельными сторонами.

Выявлены также положительные и достаточно сильные взаимосвязи между удовлетворенностью работой и удовлетворенностью различными ее сторонами: оплатой труда, условиями труда, возможностями профессионального роста, материальным положением. При этом в сельской местности размер оплаты труда оказывает большее влияние на удовлетворенность работой, чем в городах, что подтверждают другие исследования [25].

Сельские жители по сравнению с горожанами отличаются более высоким уровнем обеспокоенности угрозой потерять работу, но за последние годы различия между ними по данному показателю сократились (рис. 5). За 2016–2024 гг. доля тех, кто очень или немного обеспокоен возможной потерей работы, среди селян снизилась с 69,7 до 50,5%, тогда как среди горожан с 63,8 до 48,8%. В итоге разница между удельным весом работников, которых в той или иной степени беспокоит и не беспокоит потеря работы, сократилась среди селян с 51,5 до 24 процентных пунктов, а среди горожан – с 41,4 до 15 процентных пунктов. Снижение у россиян обеспокоенности угрозой потерять работу во многом объясняется ростом дефицита кадров разной квалификации, который затронул большинство отраслей экономики.

Из года в год опасность лишиться работы больше всего беспокоила сельских работников среднего возраста. В 2024 г. доля таковых среди занятых селян в возрасте до 30 лет составила 42,8%, тогда как среди 30–44-летних – 50,2%, 45–59-летних – 54,5%, а среди тех, кому 60 лет и больше, – 47,1%. Также выявлено, что если до 2020 г. беспокойство по поводу возможной потери работы чаще выражали работники мел-

ких предприятий, то в дальнейшем – работники крупных предприятий<sup>1</sup>. С 2016 г., когда были зафиксирован самый высокий уровень тревожности, по 2024 г. доля опрошенных, обеспокоенных возможной потерей работы, снизилась среди работников мелких предприятий с 74,1 до 46,8%, среди работников средних предприятий – с 67,1 до 48,9%, среди работников крупных предприятий – с 69,5 до 57,4%.



**Рис. 5. Обеспокоенность занятых сельских и городских жителей угрозой потери работы, 2000–2024 гг. (в %)**

*Figure 5. Concern among employed rural and urban residents about the threat of job loss, 2000–2024 (in %)*

*Примечание.* Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Намного хуже горожан сельские жители оценивают возможность нового трудоустройства в случае потери работы, что в значительной мере можно объяснить более низкими возможностями трудоустройства в сельской местности, которые определяются ограниченным рынком труда, меньшими возможностями выбора работодателя и др. [18, с. 96]. Как показано на рисунке 6, если до 2020 г. селяне уступали горожанам по доле лиц, полностью или скорее уверенных в том, что в случае увольнения смогут найти новую работу не хуже прежней, в 1,8–2 раза, то в дальнейшем эта разница сократилась до 1,5 раза. В то же время, несмотря на эти изменения, в 2024 г. подобную уверенность выражала почти половина работников, проживающих в городах, и только около трети работающих сельских жителей.

<sup>1</sup> По среднегодовой численности работников хозяйства разделены на мелкие с численностью менее 15 чел., средние – от 16 до 60 чел. и крупные – свыше 60 чел.



**Рис. 6. Уверенность занятых сельских и городских жителей в возможности найти новую работу, не хуже прежней, 2000-2024 гг. (в %)**

*Figure 6. Confidence of employed rural and urban residents in the possibility of finding a new job that is no worse than the previous one, 2000-2024 (in %)*

*Примечание.* Не указаны доли респондентов, ответивших «и да, и нет».

Лучше оценивают возможность нового достойного трудоустройства работники крупных предприятий и проживающие в самых крупных сельских поселениях. При этом особенно хорошо прослеживается зависимость оценок от возраста опрашиваемых: чем моложе респонденты, тем чаще они позитивно оценивают свои шансы возможности найти новую работу, не хуже прежней. В 2024 г. доля респондентов, полностью или скорее уверенных в положительном решении этой проблемы, выросла до максимальных значений во всех возрастных когортах: среди молодых людей в возрасте до 30 лет – до 49,1%, среди 30–44-летних – до 37,8%, среди 45–59 летних – до 27%.

Рост удовлетворенности работой и своей жизнью в целом привел к сокращению числа работников, намеревающихся найти более подходящее рабочее место. За 2000–2024 гг. доля желающих найти новую работу среди трудоустроенных сельских жителей последовательно сокращалась с 35,9 до 7,4%. При этом селяне всегда уступали по данному показателю горожанам, располагающим более широкими возможностями для смены работы. Среди горожан аналогичное снижение составило с 37 до 9,1%. Намерения мужчин и женщин в отношении смены работы отличались незначительно.

В последние годы намерение найти новую работу чаще демонстрируют сельские жители, занятые на мелких и крупных предприятиях. В 2024 г. среди работников этих предприятий доля желающих сменить работу составила соответственно 10 и 7,6%, тогда как среди работников

средних предприятий таких было только 4,6%. Обращает на себя внимание и то, что если до 2014 г. о смене работы чаще задумывались молодые селяне в возрасте до 30 лет, то в дальнейшем – 30–44-летние работники. С 2014 г. по 2024 г. доля желающих сменить работу сократилась среди сельских работников в возрасте до 30 лет с 20,4 до 6,7%, в то время как среди 30–44-летних – с 18,1 до 11,3%, а среди 45–59-летних – с 13,6 до 7%. В свою очередь в городах на протяжении всего мониторинга потребность в смене работы чаще неизменно демонстрировали более молодые работники.

## Заключение

Проведенный анализ выявил существенный рост базовых показателей, характеризующих социальное самочувствие работающего сельского населения. Сегодня люди, занятые на селе, практически не отличаются от работников городских предприятий и организаций по уровню удовлетворенности жизнью в целом и большинством ее сторон, а по степени удовлетворенности жилищными условиями и состоянием окружающей среды даже превосходят их. Селяне больше недовольны только уровнем материальной обеспеченности своей семьи. Вместе с тем, высокий уровень удовлетворенности жизнью, если он базируется на скромных притязаниях, может негативно влиять на развитие трудовой мотивации сельских жителей. Кроме того, такая позитивная картина субъективного благополучия может стать причиной недооценки остроты проблем, с которыми приходится сталкиваться сельским жителям.

На удовлетворенность жизнью сельских жителей и формирование их социального самочувствия во многом влияет существенно возросшая удовлетворенность работой. Речь идет о росте не только удовлетворенности работой в целом, но и такими ее сторонами, как условия труда, оплата труда, возможность профессионального роста и др. Однако при этом темпы роста удовлетворенности оплатой труда существенно отстают от темпов роста удовлетворенностью остальными сторонами труда. В последние годы в условиях возросшего кадрового голода происходило снижение обеспеченности сельских работников угрозой потерять работу и повышение уверенности в возможности нового трудоустройства в случае непредвиденной потери рабочего места. Но несмотря на этот рост, сельские жители продолжают намного хуже горожан оценивать возможность найти после увольнения работу не хуже прежней.

Результаты данного исследования убеждают в необходимости осуществления дифференцированного подхода при выработке стратегии развития сельских территорий с учетом особенностей их социально-экономического развития, специфики занятости работников (исключительно сельскохозяйственная, смешанная и несельскохозяйственная работа) и ментальности сельских жителей. Наряду с постоянной заботой о повышении уровня и качества жизни сельского населения необходимо больше внимания уделять развитию активного и заинтересованного участия селян в модерниза-

ции сельского пространства. Речь идет ни много ни мало о таких изменениях менталитета сельских жителей, которые позволят им объективно оценивать свое положение в обществе и результаты своей деятельности, критически воспринимать происходящие изменения и адекватно реагировать на них.

## Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 302 с.
2. Андреева Е. Л. Сельская занятость населения в условиях социально-экономической дифференциации городских и сельских территорий // Экономика сельского хозяйства России. 2025. № 5. С. 131–136. DOI: 10.32651/255-131; EDN: RTEVMA.
3. Бочаров В. Ю., Васькина Ю. В. Оценка состояния социальной инфраструктуры сельских поселений как фактор социального самочувствия // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 2. С. 33–53. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.3; EDN: YTOMCX.
4. Вартанова М. Л., Безвербный В. А. Повышение уровня и качества жизни населения – главная задача устойчивого развития сельских территорий // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1925–1938. DOI: 10.18334/eo.9.3.40930; EDN: JMNYML.
5. Васильева О. В. Социальное самочувствие якутов в контексте процессов урбанизации в Республике Саха (Якутия) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 63–72. DOI: 10.31857/S0132162524010069; EDN: VHDISY.
6. Великий П. П., Вяльшина А. А. Современная российская деревня: актуальные проблемы и их отражение в аграрной социологии // Социологические исследования. 2025. № 1. С. 53–69. DOI: 10.7868/S3034601025010068; EDN: ICIJDC.
7. Гуляева Т. И., Такмакова Е. В. Участие сельского населения в составе рабочей силы и его занятость в условиях демографического кризиса // Экономика сельского хозяйства России. 2023. № 1. С. 72–79. DOI: 10.32651/231-72; EDN: MRMNAZ.
8. Злобин Е. Ф., Студенникова Н. С., Полухина М. Г. Сельский рынок труда центральной России: состояние и проблемы // Вестник аграрной науки. 2017. № 6(69). С. 117–123. DOI: 10.15217/issn2587-666X.2017.6.117; EDN: TAUINT.
9. Касаткина Н. П. Удовлетворенность работой и субъективное благополучие жителей села // Социальные нормы и практики. 2023. № 3(9). С. 25–35. DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-25-35; EDN: WWRZGG.
10. Климова А. В., Шамин А. Е., Груздев Г. В. Характеристика воспроизводственного процесса трудовых ресурсов в сельском хозяйстве Российской Федерации // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № s1. DOI: 10.15862/17FAVN124; EDN: CIOLDV. URL: <https://esj.today/PDF/17FAVN124.pdf> (дата обращения: 20.03.2026).

11. Козырева П. М. Процессы социальной адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: ЦОЦ, 2004. 320 с.

12. Латова Н. В. Влияние кризиса на удовлетворенность россиян своей жизнью и их социально-психологическое самочувствие // Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. С. 41–64.

13. Латова Н. В. Динамика социально-психологического самочувствия различных групп населения // Российское общество и вызовы времени. Кн. 7 / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2024. С. 148–172.

14. Логинов Д. М. Сельское население России: субъективное благополучие и практики социально-экономического поведения // Крестьяноведение. 2024. Т. 9. № 2. С. 180–196. DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196; EDN: IJOMCX.

15. Лушников О. Л. Занятость как фактор социального самочувствия селян // Известия Саратовского ун-та. Нов. сер.: Социология. Политология. 2022. Т. 22. Вып. 3. С. 272–277. DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277; EDN: HLFNAC.

16. Лушников О. Л. Динамика социального самочувствия сельского населения // Вестник ТюмГУ. Социально-экономические и правовые исследования. 2025. Т. 11. № 3(43). С. 34–48. DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-3-34-48; EDN: UHBUQJ.

17. Мамонкина Е. В. Проблемы сохранения и доходов сельского хозяйства в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник НГИЭИ. 2023. № 12(151). С. 104–112. DOI: 10.24412/2227-94072023-12-104-112; EDN: SNYJKN.

18. Сарайкин В. А., Никулина Ю. Н., Янбых Р. Г. Субъективное благополучие сельских жителей в России: факторы и их значимость // Экономическая социология. 2023. Т. 24. № 1. С. 71–105. DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105; EDN: LHPYZO.

19. Смирнов В. А. Факторы социального самочувствия жителей российской провинции // Вестник Московского ун-та. Социология и политология. 2020. Т. 26. №. 3. С. 24–42. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42; EDN: FBARET.

20. Старкова А. Я. Особенности условий труда в сельских территориях // Экономика сельского хозяйства в России. 2020. № 6. С. 105–108. DOI: 10.32651/206-105; EDN: KJXMXC.

21. Тощенко Ж. Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М.: Весь Мир, 2020. 352 с.

22. Тощенко Ж. Т. Особенности жизненного мира сельских жителей России // Социологические исследования. 2018. № 2. С. 71–81. DOI: 10.7868/S0132162518020083; EDN: YSVUEK.

23. Третьякова Л. А., Лаврикова Н. И. Качество жизни населения – индикатор устойчивости развития сельских территорий // Экономика региона. 2012. № 3. С. 227–233. EDN: PCIBSF.

24. Устинова О. В. Социальное самочувствие населения сельских поселений // Евразийский юридический журнал. 2022. № 12(175). С. 385–386. EDN: MCTQHA.

25. Черных Е. А. Качество трудовой жизни и удовлетворенность занятостью на российском рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 2. С. 214–226. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.6; EDN: MYDVVI.

26. Шабанов В. Л. Качество жизни сельского и городского населения России: сравнение с использованием интегрального индикатора // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 4. С. 129–143. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-129-143; EDN: TMEVMF.

27. Шкрабак В. С. Анализ состояния жизнедеятельности работников сельского хозяйства и современные пути ее улучшения // Аграрный научный журнал. 2026. № 3. С. 134–139. DOI: 10.28983/asj.y2026i3pp134-139; EDN: FQUJXO.

28. Шумаков Ю. Н., Тушканов М. П. Повышение престижа сельскохозяйственного труда — важное условие развития сельского хозяйства // Экономика сельского хозяйства России. 2018. № 3. С. 23–27. DOI: 10.32651/2070-0288-2018-3-23-27; EDN: YVODFA.

29. Югов Е. А. Занятость трудовых ресурсов в сельской местности: состояние, проблемы, тенденции // Вестник ТГУ. Экономика. 2020. № 51. С. 129–142. DOI: 10.17223/19988648/51/7; EDN: VSVTCG.

30. Knight J., Gunatilaka R. The Rural-Urban Divide in China: Income But Not Happiness? // Journal of Development Studies. 2010. Vol. 46. No. 3. P. 506–534. DOI: 10.1080/00220380903012763.

31. Pospěch P., Delin M., Spěšna D. Quality of life in Czech Rural Areas // Agricultural Economics — Czech. 2009. Vol. 55. No. 6. P. 284–295. DOI: 10.17221/1489-AGRICON.

32. Sorensen J. F. Rural-Urban Differences in Life Satisfaction: Evidence from the European Union // Regional Studies. 2014. Vol. 48. No. 9. P. 1451–1466. DOI: 10.1080/00343404.2012.753142.

Получено редакцией: 05.05.26

---

#### СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Козырева Полина Михайловна**, доктор социологических наук, заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики

**Смирнов Александр Ильич**, доктор социологических наук, главный научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10

# Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024)<sup>1</sup>

*Polina M. Kozyreva*

HSE University, Moscow, Russia

pkozyreva@isras.ru

ORCID: 0000-0002-3034-8521

*Alexander I. Smirnov*

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

smir\_al@bk.ru

ORCID: 0000-0001-7078-6203

**For citation:** Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Dynamics of Social Well-Being in the Rural Population of Russia (2000–2024). *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 2. P. 184–205. DOI: 10.19181/vis.2026.17.2.10; EDN: JYQTYW.

**Abstract.** This article presents the results of the analysis of the characteristics and dynamics of social well-being among employed rural residents in the first quarter of the 21st century. The analysis is based on data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE). A significant increase in key indicators of social well-being among employed rural residents was identified, with most reaching their all-time highs by the end of 2024. Satisfaction with their lives in general and with most aspects of life was found to be comparable between employed rural residents and urban residents. Employed rural residents are more satisfied with their housing conditions and the environment, but experience greater dissatisfaction with the material aspects of their lives than urban residents. A decisive role in improving the social well-being of employed rural residents is played by increased satisfaction with their job overall, which is reinforced by equally high rates of satisfaction with working conditions, opportunities for professional growth, and most other aspects of work. Low wages remain the most pressing issue that continually concerns rural workers. In the context of increased labour shortages, rural residents' concerns about job loss have decreased and their confidence in finding employment has increased, despite the fact that throughout the years of monitoring, rural residents have rated this opportunity significantly lower than urban residents. As a result of a significant increase in job satisfaction and overall life satisfaction, the number of rural workers seeking to leave their current jobs for more attractive and promising ones has significantly decreased. The authors argue that the high heterogeneity of rural regions requires a differentiated approach when developing a rural development strategy, taking into account the specific development characteristics, employment structure, and the mentality of the residents. Along with improving rural living standards, engagement of the residents themselves in active transformation of rural areas becomes more a priority.

**Keywords:** employment, rural population, social well-being, labor force, life satisfaction, job satisfaction

## References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni [Strategy of Life]*. Moscow, Mysl, 1991: 299 (in Russ.).
2. Andreyanova E. L. Rural employment in the context of socio-economic differentiation of urban and rural areas. *Ekonomika sel'skogo khozyajstva Rossii*, 2025: 5: 131–136 (in Russ.). DOI: 10.32651/255-131; EDN: RTEVMA.
3. Bocharov V. Yu., Vaskina Yu. V. Assessment of the State of Social Infrastructure in Rural Settlements as a Factor in Social Well-Being. *Vestnik PNIPU. Sotsialno-ekonomicheskiye nauki*, 2017: 2: 33–53 (in Russ.). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.2.3; EDN: YTOMCX.
4. Vartanova M. L., Bezverbnyy V. A. Improving the level and quality of life of the population as the main task of sustainable development of rural areas. *Ekonomicheskie otnosheniya*, 2019: 9: 3: 1925–1938 (in Russ.). DOI: 10.18334/eo.9.3.40930; EDN: YTOMCX.
5. Vasileva O. V. Social well-being and ethnicity in the context of urbanization processes among the Yakuts. *Sotsiologicheskoye issledovaniya*, 2024: 1: 63–72 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524010069; EDN: VHDISY.

<sup>1</sup> The article uses the results of the HSE-MS-2025-007 project, carried out at the HSE University.

6. Velikiy P. P., Vyalshina A. A. Contemporary Russian Village: Current Problems and Their Reflection in Agrarian Sociology. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2025: 1: 53–69 (in Russ.). DOI: 10.7868/S3034601025010068; EDN: ICIJDC.
7. Guliaeva T. I., Takmakova E. V. Participation of rural population in the labour force and its employment in the conditions of demographic crisis. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*, 2023: 1: 72–79 (in Russ.). DOI: 10.32651/231-72; EDN: MRMNAZ.
8. Zlobin E. F., Studennikova N. S., Polukhina M. G. Rural Labour Market of the central Russia: State and Problems. *Vestnik agrarnoy nauki*, 2017: 6(69): 117–123 (in Russ.). DOI: 10.15217/issn2587-666X.2017.6.117; EDN: TAUINT.
9. Kasatkina N. P. Job satisfaction and subjective well-being of villagers. *Sotsialnye normy i praktiki*, 2023: 3: 25–35 (in Russ.). DOI: 10.24412/2713-1033-2023-3-25-35; EDN: WWRZGG.
10. Klimova A. V., Shamin A. E., Gruzdev G. V. Characteristics of the reproduction process of labor resources in agriculture of the Russian Federation. *Vestnik yevraziyskoy nauki*, 2024: 16: s1. DOI: 10.15862/17FAVN124; EDN: CIOLDV. Accessed 20.03.2026. URL: <https://esj.today/PDF/17FAVN124.pdf> (in Russ.).
11. Kozyreva P. M. Protsessy sotsial'noy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov [The processes of social adaptation and the evolution of the social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, TSOTS, 2004: 320 (in Russ.).
12. Latova N. V. The Impact of the Crisis on Russians' Life Satisfaction and Their Socio-Psychological Well-Being. In *Russian Society and the Challenges of Time*. Book 3. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2016: 41–65 (in Russ.).
13. Latova N. V. Dynamics of socio-psychological well-being of various population groups. In *Russian society and challenges of the time*. Book 7. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2024: 148–172 (in Russ.).
14. Loginov D. M. Russia's rural population: subjective well-being and social-economic practices. *Krestyanovedeniye*, 2024: 9: 2: 180–196 (in Russ.). DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-180-196; EDN: IJOMCX.
15. Lushnikova O. L. Employment as a factor of social well-being of rural population. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 2022: 22: 3: 272–277 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2022-22-3-272-277; EDN: HLFNAC.
16. Lushnikova O. L. Dynamics of social well-being of rural population. *Vestnik TyumGU. Sotsialno-ekonomicheskiye i pravovyye issledovaniya*, 2025: 11: 3: 34–48 (in Russ.). DOI: 10.21684/2411-7897-2025-11-3-34-48; EDN: UHBUQJ.
17. Mamonkina E. V. Problems of employment and income of the rural population in the context of digital transformation of the economy. *Vestnik NGIEI*, 2023: 12(151): 104–112 (in Russ.). DOI: 10.24412/2227-94072023-12-104-112; EDN: SNYJKN.
18. Saraikin V. A., Nikulina Yu. N., Yanbykh R. G. Subjective Well-Being of Rural Dwellers in Russia: Factors and Their Significance. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2023: 24: 1: 71–105 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2023-1-71-105; EDN: LHPYZO.
19. Smirnov V. A. Factors of public well-being of residents of the Russian province. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Sotsiologiya i politologiya*, 2020: 26: 3: 24–42 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42; EDN: FBARET.
20. Starkova O. Ya. Peculiarities of working conditions in rural areas. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva v Rossii*, 2020: 6: 105–108 (in Russ.). DOI: 10.32651/206-105; EDN: KJXMXC.
21. Toshchenko Zh. T. Society of Trauma: between Evolution and Revolution (Experience of theoretical and applied analysis). Moscow, Ves Mir, 2020: 352 (in Russ.). EDN: QLXXDD.
22. Toshchenko Zh. T. Features of the life world of rural residents in Russia. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2018: 2: 71–81 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518020083; EDN: YSVUEK.
23. Tretyakova L. A., Lavrikova N. I. Kachestvo zhizni naseleniya – indikator ustoychivosti razvitiya sel'skikh territoriy [Quality of life of the population is an indicator of sustainable development of rural areas]. *Ekonomika regiona*, 2012: 3: 227–233 (in Russ.). EDN: PCIBSF.
24. Ustinova O. V. Social well-being of the population of rural settlements. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2022: 12(175): 385–386 (in Russ.). EDN: MCTQHA.
25. Chernykh E. A. Quality of Working Life and Job Satisfaction on the Russian Labour Market. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2022: 18: 2: 214–226 (in Russ.). DOI: 10.19181/lspr.2022.18.2.6; EDN: MYDVVI.

26. Shabanov V. L. Quality of life of rural and urban population in Russia: comparison using integral indicator. *Narodonaselenie*, 2025: 28: 4: 129–143 (in Russ.). DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-129-143; EDN: TMEVMF.
27. Shkrabak V. S. The analysis of the state of vital activity of agricultural workers and modern ways of its improvement. *Agrarnyy nauchnyy zhurnal*, 2026: 3: 134–139 (in Russ.). DOI: 10.28983/asj.y2026i3pp134-139; EDN: FQUJXO.
28. Shumakov Yu. N., Tushkanov M. P. Increasing in prestige of agricultural work — an important condition important condition of agricultural development. *Ekonomika sel'skogo khozyaystva Rossii*, 2018: 3: 23–27 (in Russ.). DOI: 10.32651/2070-0288-2018-3-23-27; EDN: YVODFA.
29. Yugov E. A. Employment of the Rural Labour Force: State, Problems, Trends. *Vestnik TGU. Ekonomika*, 2020: 51: 129–142 (in Russ.). DOI: 10.17223/19988648/51/7; EDN: VSVTCG.
30. Knight J., Gunatilaka R. The Rural-Urban Divide in China: Income But Not Happiness? *Journal of Development Studies*, 2010: 46: 3: 506–534. DOI: 10.1080/00220380903012763.
31. Pospěch P., Delin M., Spěšna D. Quality of life in Czech Rural Areas. *Agricultural Economics — Czech*, 2009: 55: 6: 284–295. DOI: 10.17221/1489-AGRICECON.
32. Sorensen J. F. Rural-urban Differences in Life Satisfaction: Evidence from the European Union. *Regional Studies*, 2014: 48: 9: 1451–1466. DOI: 10.1080/00343404.2012.753142.

The article was submitted on: May 5, 2026

---

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

**Polina M. Kozyreva**, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute of Social Policy

**Alexander I. Smirnov**, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher